

УДК 340.12 +172

ТРАДИЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПРАВА

Н. А. Кузнецов

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Рассматриваются революция и традиция как два противоположных явления, обуславливающих развитие права, правосознания, правоведения, правотворчества, правоприменения. Анализируется феномен ползучей революции, распространяющейся по всему миру в течение по крайней мере последних ста лет и складывающейся комплексно из множества революций (т. е. резких и более или менее значительных изменений в любой сфере жизнедеятельности) и менее масштабных изменений революционного характера, а также из реакции на революции. Показывается, что тенденции ползучей революции распространяются и на юриспруденцию. При рассмотрении сущности революции и ее критике как концептуального подхода отмечается, в частности, опасность утраты духовности. Критикуется также и прогресс как цель революции, для чего заостряется внимание на нюансах значения понятия «прогресс» и смежных понятий.

Автор исследует сущность традиции в ее философском понимании и дает определение понятия «традиция». Обосновывается идея, что традиция основана на системных связях. Эти связи могут быть, во-первых, техническими, служащими для передачи предметов традиции. Они должны возникать как внутри поколений, так и между ними, должны быть как информационными, так и духовными. Во-вторых, в традиции связаны ее предметы (содержательная связь). Предметы традиции рассматриваются как материальные и нематериальные объекты, получившие единообразную ценностную интерпретацию; вводится и кратко рассматривается понятие «элемент традиции». Отмечается, что традиция существует только в рамках определенных многопоколенных социальных групп, которые предложено называть народами, выводя границы понимания термина «народ» за границы исключительно этнологического смысла. Отмечается также, что для своего существования традиция должна находиться в действии, проявляющемся через всеобщность (в рамках определенного народа) как непосредственного применения предметов традиции, так и убеждения в их общезначимости. Подробно обосновываются преимущество концепции традиции по сравнению с концепцией революции для построения любой правовой системы, необходимость отхода от революционного правосознания и возвращения к традиционализму как к норме-принципу любой традиции. В исследовании используются разнообразные примеры из истории и современности, иллюстрирующие и подкрепляющие рассуждения автора.

Ключевые слова: духовность, материализм, народ, прогресс, рационализм, революция, традиционализм, традиция, эволюция.

TRADITION IN GLASS OF LAW

N. A. Kuznetsov

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

In this article the author looks on revolution and tradition as two opposite phenomenon, leading to development of law, law awareness, legal science, lawmaking, law-enforcement. For beginning he writes about the creeping revolution, spreading worldwide during at least the last hundred years and evolving many revolutions (i. e. sudden and more or less considerable changes in any field of people's activity) and smaller changes revolutionary character, as well reaction to revolution. It shows that trends of the creeping revolution spread to the sphere of jurisprudence. The article explores essential of revolution, criticizes revolution as a conceptual approach and notes, in particular, that revolution conduces to dangerous loss of spirituality. Also the explorer focuses on nuances of meaning of "progress" and related notions and criticizes progress as an aim of revolution. Next, he explores essential of tradition in its philosophical understanding and gives the definition of "tradition". He proves the idea that tradition is based on systemic links. The first, these links may be technical, which conduces to transfer subjects of tradition. It should arise both within

and between generations, it should be both informational and spiritual. The second, subjects of tradition are associate (content link). Subjects of tradition are treated as material and immaterial objects that received a uniform value interpretation. The author offers and briefly explains the new term “element of tradition”. It is noted that traditions exists only within certain multigenerational social groups that are called nations, so the author offers to use boundaries of understanding of the term “nation” wider than exclusively ethnological sense. It is also noted that a tradition must be in action for its existence. Action of tradition is universality (within certain nation) as direct application subjects of tradition as belief in these subjects’ validity. The author proves in detail that for all legal systems the concept of tradition has advantages as compared with the concept of revolution. Also he writes about necessity of departure from revolutionary law-awareness and return to traditionalism as the norm-principle of any tradition. The explorer uses various examples from history and modernity that illustrate and reinforce his discourses.

Keywords: spirituality, materialism, nation, progress, rationalism, revolution, tradition, traditionalism, evolution.

Сейчас мы живем во времена великой исторической турбулентности, пронизавшей собой, без преувеличения, все сферы нашей жизни. Мир не просто меняется (это происходило и раньше), а меняется стремительно, и стремительность набирает обороты. В самом деле, внимательному и вдумчивому читателю, слушателю, наблюдателю раскрывается целая палитра активнейшего движения в областях научно-технической (то, что называют техническим прогрессом, научно-технической революцией), общественно-политической (от масштабного переселения представителей некоторых народов в чуждую для них социокультурную среду до частой, подчас революционной смены власти), в области культуры, языка и даже образа питания [1–5].

Феномен, порожденный совокупностью всех обозначенных и других революционных процессов, нередко связанных между собой непосредственно либо общим духом революционности (революционным сознанием), был назван В. В. Аверьяновым ползучей революцией [6] — понятие, употреблявшееся еще Л. Д. Троцким, но теперь справедливо интерпретируемое шире, чем просто совокупность социально-политических движений. Ползучая революция обещает путем постоянных и всеобъемлющих преобразований в кратчайшие сроки привести к прогрессу, поэтому она достаточно легко получает необходимую для своего существования подпитку в виде воодушевления от стремительных изменений мира и желания их «догнать», что и составляет революционное сознание. Но, как и отдельно взятая революция в ее классическом понимании, ползучая революция в своей романтической пылкости и сиюминутности достижений лишь дестабилизирует обстановку отказом от прежних авторитетов и сложившихся ориентиров и непредсказуемостью последствий. Причем дестабилизация усугубляется реакцией, пытающейся вернуть все на свои места, но, по сути, нередко перенимающей резкость и дезориентированность обусловивших ее событий. Поэтому часто такую реакцию также можно отнести к элементам ползучей революции. К составляющим обсуждаемого феномена можно отнести еще изменения, ввиду их малозначительности не являющиеся революциями, но носящие революционный характер из-за их поспешности, многочисленности и т. п.

Рассмотрим теперь, какое отношение вышесказанное имеет к праву.

В новейшей истории право тоже изменялось и изменяется довольно бурно, причем как концептуально, так и в рамках отдельных правовых систем через инструмент усовершенствования правового регулирования. И, соответственно, можно наблюдать колебания и стремление к преобразованиям в правоведении, правотворчестве и правоприменении. Так, уже появилось и стремится к расширению так называемое поколение соматических прав, старающееся перевернуть некогда достаточно прочные представления о семье, сексуальных отношениях, праве на жизнь и т. д. [7, 8]. Другой пример — современное законотворчество в России и его результаты, выражающиеся, с одной стороны, в появлении сотен постоянно изменяющихся законов и, с другой стороны, в низком уровне их исполнения. И если в 90-е гг. прошлого века низкая исполняемость законов в России была обусловлена скорее их содержательной революционностью (тогда эксперты оценивали качество законодательства на «хорошо», отмечая при этом низкий уровень его исполнения), то теперь понижено и качество законодательства. Это отчасти обусловлено спешкой при «усовершенствовании» правового регулирования [9, с. 129–130, 137–138; 10, с. 17–23].

На самом деле, ползучая революция в мировом масштабе — это тенденция последних ста-полтора лет, возникающая не вдруг и теперь, особенно ярко и глобально иллюстрирующая сущность, историю и последствия революции как таковой. Как указывал М. А. Волошин [11, с. 91–108] — не только замечательный поэт, но и глубокий мыслитель, — история человечества пронизана мятежами в широком смысле слова, не приводившими, как на примере социально-политических революций подтверждает П. А. Сорокин [12, с. 270, 293–294], к полному успеху и часто даже поворачивавшими развитие человечества или отдельных его частей и институтов вспять. По наблюдению М. А. Волошина, в революциях человек стремится в кратчайшие сроки пересоздать то, что окружает его: государство, общество, природу, быт и т. д. И ему не остается ничего иного, как «творить неверьем, строить отрицанием», пытаться все проверить и обосновать исключительно с помощью разума, чтобы поверить уже и в эти обоснования, и в методы, по которым они строятся, и в их результаты.

Можно вспомнить, например, эпохи Возрождения и Просвещения в Европе. Но проблема в том, что исключительно с помощью разума можно проверить и обосновать лишь то, что на данный момент доступно более или менее четкому пониманию человека, и с опорой на то, что на данный момент известно или может быть исследовано достоверными способами и логично. И так сложилось, что по этим критериям легче всего объяснениям поддается картина материального мира, да и то не вся, потому что и в этой области еще продолжают научные открытия и обоснования. Ввиду ограниченности знаний, трудоемкости и нередко большой длительности их получения рационально-материалистическими способами и методами и ввиду необходимости скорейшего восполнения пробелов для решения определенных задач, рационализм и материализм (М. А. Волошин в поэме «Таноб» метко назвал их пальцами апостола Фомы), начинающие с неверия и часто открыто придерживающиеся этой линии, одновременно обращаются к вере в свои достижения, принципы, методы, создавая фикцию решаемости всех вопросов и нередко приходя к поверхностным выводам, в чем проявляется их внутреннее противоречие.

В конечном итоге примат материалистических категорий над духовными, техники над этикой (что П. А. Сорокин назвал биологизацией людей) отражается на праве, правосознании, правоведении. Иначе как объяснить, например, упорное нежелание современных англо-американских врачей, предпочитающих делать аборт, пользоваться уже сто лет назад открытыми и известными им возможностями человеческого организма, позволяющими матери благополучно родить новую человеческую жизнь даже при очень сложной беременности? Дело в том, что для этих врачей неродившийся ребенок, плод — это не будущий человек с живыми мыслями и чувствами, а всего лишь комок клеток, т. е. исключительно физико-биологическая часть организма матери, которой, как вытекает из таких рассуждений, она может распорядиться, как, скажем, своими ногтями или волосами [13]. На слабость, внутреннюю противоречивость и даже гибельность исключительно материалистического подхода к праву без учета его духовных элементов указывают и некоторые исследователи [14, с. 246–279; 15, с. 16–19; 16, с. 46–48].

Как упомянуто, цель революций (действительная или только провозглашаемая) независимо от ее исхода — прогресс. Но насколько хороша и благородна эта цель?

Толковые словари и энциклопедии согласны в том, что прогресс — это улучшение в процессе развития, которое может касаться техники, нравственности и т. д. Однако при внимательном анализе определений данного и близких к нему понятий можно обнаружить ряд любопытных и немаловажных нюансов их значения. Во-первых, «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова, определяя понятие «прогрессивный» через связь с понятием «прогресс», дает его синоним — «передовой» [17, с. 608]. Понятие «передовой» связывается, в частности, с тем, что движется впереди остального, как правило, не благодаря тому, что по природе является передней частью некоторой системы, а благодаря (хотя бы отчасти) собственным усилиям, успехам, безостановочному стремлению развиваться. Как правило, происходит соревнование: передовое может резко выделяться на фоне «отстающих», иногда призывая догонять себя, но редко замедляя шаг, чтобы его было возможно догнать. Поскольку прогресс стремится к постоянному улучшению чего-либо, прогрессивные или передовые достижения через некоторое время становятся «безнадёжно устаревшими», к ним предпочитают более не обращаться (разве только как к чисто историческим фактам), в чем проявляется временность, даже сиюминутность всего прогрессивного и передового [17, с. 503; 18, с. 46; 19, с. 843, 1029].

По ироничному замечанию Г.-Г. Гадамера, для прогрессистов каждый день — новая эпоха, не связанная с прошедшим [20, с. 315–316]. Поэтому прогресс предпочитает революцию для воплощения актуальных идей, хотя и допускает эволюционные пути. Во-вторых, В. И. Даль отмечает как оттенок значения понятия «прогресс» претензию на полную свободу [18, с. 470], которая невозможна без попытки освобождения от того, что создает ощущение несвободы. Наконец, в-третьих, И. С. Кон [21, с. 28–29] указывает на то, что прогресс подразумевает концепцию развития «от низших к высшим», «от несовершенных к совершенным» формам или ступеням. Вследствие этого прогресс не склонен связывать себя прошлыми достижениями, призывает «не оглядываться на древних», освобождаться из-под «гнета стихийных общественных сил» и всего того, что на данный момент кажется несовершенным и создающим несвободу. Понимание прогрессивности вообще основывается на оценочных критериях, очень субъективно, так как часто зависит от размышлений отдельных личностей. Оказывается, что прогресс более склонен к критике прошлых достижений, чем к самокритике и в конечном итоге порождает несогласия, противоречия и разрывы связей между поколениями и между современниками [9, с. 20–21; 22, с. 605; 23, с. 9–10]. Причем, поскольку прогресс не опирается на предшествующий опыт той системы, относительно которой его пытаются осуществить, его приходится основывать на чем-то, взятом извне этой системы и, во всяком случае, являющимся для нее новым и неизведанным.

Разрыв между поколениями крайне нежелателен, в частности, потому что, во-первых, культурно и духовно обеднит и погасит жизнь народа, лишит его исторической памяти о самом себе, во-вторых, неизбежно ударит по всем живым институтам, перешедшим от прошлого, в-третьих, разрушит или исказит существующие достижения предыдущих поколений, которые могли бы и дальше приносить пользу [24, с. 183–186]. Наконец, разрыв между поколениями может привести к расколу и между современниками. Ведь поколения не живут изолированно друг от друга, и совсем не обязательно, что все старшие положительно воспримут новые веяния, а все молодые отрекутся от наследия старших. Яркий пример — правовая революция российского императора Петра I, сопровождавшаяся также изменениями революционного характера. Несомненно, Петр Великий руководствовался соображениями прогрессивных изменений российского права (образцами служили европейские правовые системы), т. е. система русского права, формировавшаяся много веков, расценивалась как нечто низшее, от несовершенств чего необходимо освободиться, взяв извне новое. В итоге право Российской империи окончательно разделилось на две совершенно самостоятельные, практически не связанные между собой системы официального и социального (обычного) права. Это, в свою очередь, повлекло не только юридические, но и экономические и другие проблемы [25, с. 97–98].

Впрочем, достаточно ли теперь в связи с прогрессом говорить о разрывах общественных и межпоколенных связей, когда человечество с его любовью открывать ящики Пандоры уже стоит на пороге восторженного отказа от самого себя? Можно, например, вспомнить безоглядно восхищенное изобретение, развитие и внедрение в жизнь искусственного интеллекта. Это изобретение, вполне полезное при рассудительном подходе, может породить и уже порождает, помимо прочего, правовые вопросы [26–28], например, о юридическом статусе искусственного интеллекта, о характере отношений между ним и традиционными субъектами права и даже о его месте в юридической деятельности. Уже свершающиеся факты: создание и успешное функционирование интеллектуальных самообучающихся роботов, получение человекообразным роботом (андроидом) Софией в 2017 г. гражданства Саудовской Аравии, появление (в частности, в России) первых роботов, предназначенных для правового консультирования, и некоторые другие — показывают, что искусственный интеллект, особенно в андроидной оболочке, по своим техническим и социальным характеристикам способен поставить под сомнение традиционные концепции господства человека над вещью, вытеснить людей из сферы как физического, так и интеллектуального труда с непредсказуемыми последствиями для трудовых обязанностей и прав человека, для его трудовых и творческих способностей и т. д. В конце концов здесь мы вплотную подходим к проблеме существования и формы существования в будущем самого человека и, соответственно, феномена права. Конечно, сейчас такая эсхатологическая постановка вопроса неочевидна, однако, как известно, из малых искр рождаются большие пожары. Поэтому имеющиеся факты требуют внимательного размышления, если мы не хотим по легкомыслию или во все по небрежности допустить дурные последствия.

Таким образом, вера в полезность и необходимость прогресса, основанного на материалистическом понимании мира, и стремление его скорейшего достижения (т. е. главным образом революционными путями) способствовали и способствуют борьбе или, как минимум, пренебрежительному отношению к многовековым системам установлений — к традициям. Однако поскольку революции в отдельных сферах человеческой деятельности до сих пор благополучно не завершились, а только переросли в усиливающуюся ползучую революцию, остается констатировать, что эта борьба так и не закончилась победой над «предрассудками» и «косностью» традиции, а обернулась, несмотря на благоразумные предупреждения таких мыслителей, как Ш. Л. Монтескье, Э. Берк, Ф. К. фон Савиньи, К. Н. Леонтьев, недалековидным «сносом общественного здания», самоуверенным следованием на поводу у тенденций, открытий и теорий, часто не продуманных до конца и не проверенных, зато «новых» и громких [24, с. 184–185; 29, с. 72; 30, с. 299–300; 31, с. 8]. Из-за этого отдельные деятельные критики многовекового опыта поколений не только «затронули здоровую плоть», неизвестную этим критикам и обеспечивавшую до некоторых пор равновесие, но и сумели создать новые вопросы, серьезность которых, к сожалению, не всегда осознается и теперь. Необдуманное принятие правовых новшеств или (при возникновении проблем разной природы и степени предвиденности) нервные поиски ответа на вопрос «Что делать?» и принятие поспешных решений лишь уменьшают авторитетность и эффективность права [10, с. 23; 32, с. 136]. Значит, с утратой традиции открываются пути для беспочвенного и неэффективного правового модернизма, теряются необходимое единство и иммунитет от недалековидности и вредных влияний [15, с. 3], что Э. Берк образно охарактеризовал словами: «У нас нет более компаса, и мы не знаем, в какой порт мы плывем» [29, с. 81]. Что ж, поспешишь — людей насмешишь, недаром Кун-цзы (Конфуций) жалел тех, кто всегда двигается вперед и никогда не останавливается [33, с. 111].

Поэтому правоведению все желательнее и желательнее тщательно изучать сущность традиции, проблемы ее восстановления и реализации в современном и будущем мире. Впрочем, как видится, это крайне желательно и для иных областей науки. Некоторые шаги в этом направлении предприняты ниже. При этом рассматривается главным образом традиция в ее широком, философском понимании: бытовое и тем более юридическое (точнее, цивилистическое) понимание узко и специфично.

Практически все существующие подходы к пониманию традиции, какие нюансы и подробности они ни отмечали бы, объединяет прямое или косвенное указание на преемственность как на обязательный признак рассматриваемого института [17, с. 807; 19, с. 1375; 34, с. 42–44; 35, с. 135; 36, с. 416; 37, с. 1047–1048; 38, с. 74; 39, стлб. 793–794; 40, с. 407; 41, с. 577]. Да и само латинское слово «traditio», от которого и образовалось в русском языке слово «традиция», переводится как «передача», «предание». Сразу возникают вопросы: между кем и кем осуществляется преемственность, как она осуществляется и что является ее предметом?

Преемственность осуществляется между поколениями в широком смысле слова. Речь может идти не только о поколениях в контексте биологического возраста человека или кровнородственных связей, но и в контексте, например, научных школ (учителя — ученики) или даже отношений между ровесниками, первые из которых — опытные в каком-либо деле люди, а вторые — новички.

Традиция невозможна без системных связей. Их первая по важности часть состоит из связей между поколениями, непосредственно обеспечивающих преемственность, а вторая — из связей между представителями одного поколения, обеспечивающих лучшее закрепление передаваемых опыта и понятий, максимальную однородность и устойчивость традиции. По характеру все эти связи должны быть как информационными, отвечающими за получение знаний, рациональное осмысление традиции (зрительная, слуховая коммуникация, посредством книг и т. п.), так и духовными, включающими и любовь, и уважение, и празднично-игровое соучастие (праздник и игра здесь и далее — в их широком, философском понимании Г. -Г. Гадамера [20, с. 158–160, 287–290, 307–311]), и иные духовные проявления. Недаром Акутагава Рюноске заметил, что только глядя на то, что и как делали предки (сколько бы их ни было), чьи действия должны послужить образцом, сразу овладеть их искусством не получится [42, с. 182]. Предметы традиции не будут восприняты и исполнены человеком, не имеющим духовных связей с их носителями, ибо отсутствие духовного элемента связи почти всегда ведет к непониманию существа традиции даже при желании приобщиться к ней или вовсе к сопротивлению «навязываемому», к отторжению «враждебного». Так, В. С. Найпол — британский писатель индийского происхождения, родившийся на Тринидаде (Вест-Индия), — несмотря на со-

блюдение его старшими родственниками традиций индийского народа и конкретной семьи, из-за отсутствия полноценных информационных и духовных связей (его в детстве не стремились ни научить родному языку, ни приобщить к истинному соучастию в исполнявшихся обрядах) оказался выброшенным за пределы родных традиций и был вынужден узнавать их только в зрелом возрасте по книгам и путешествиям. Причем семейные традиции и даже знания о собственных предках ему, кажется, так и не удалось полноценно восстановить [43].

В случае В. С. Найпола традиция всего его народа, конечно, не исчезла, а вот традиция семьи умерла. Это подталкивает к выводу, что традиция может существовать лишь в том случае, если она находится в действии. Ее действие проявляется, во-первых, во всеобщности применения (как материального, так и духовного), а во-вторых, во всеобщности убеждения в общезначимости конкретных ее предметов, причем второго может быть достаточно, если применение временно невозможно (тогда наблюдается потенциальное действие). Общее убеждение, как на примере обычаев отметил О. фон Гирке, возникает у отдельных субъектов и включает в себя уверенность, что окружающие разделяют данное убеждение [44, с. 223–224].

В контексте традиции понятия «всеобщность», «окружающие» и т. п. приложимы не только к современникам, но и к представителям предшествующих и будущих поколений. Понятно, что действие традиции для будущих поколений не является реальным. Но всеобщность и не является просто суммой фактов, а отражается для вовлеченного в традицию субъекта как ощущение того, что так уже делалось и будет делаться, что это воспринималось и будет восприниматься как общезначимое. Описанное ощущение не становится ни восприятием истории, ни пророчеством, не дробит время на прошлое, настоящее и будущее, а раскрывает для субъекта момент осуществления традиции как уникальный момент, событие с большой буквы, в котором соучаствуют и все другие субъекты этой традиции, чье незримое присутствие можно даже почувствовать — свойство, называемое соборностью [6]. Этот эффект Г.-Г. Гадамер показал на примере празднования христианами Рождества. Исторически Рождество Христово, конечно, произошло единожды в определенное время и уже прошло. А для традиции оно не исчезает в прошлом и каждый акт его празднования воспринимается не как повтор одного и того же, а как развертывание того самого уникального события, и празднующие не просто находятся в такую-то дату в таком-то храме, а становятся соучастниками того самого Рождества Христова (не его копии или вариации).

Феномен праздника позволяет избежать ощущения рутинности при повторении исполнения предметов традиции, отражает соборное начало традиции, дисциплинирующее и защищающее личность. Вместе с тем у традиции есть и индивидуалистическое начало, отражающееся в феномене игры, состоящем, по Г.-Г. Гадамеру, в повторении личностью действий, в рамках которого эта личность получает свободу и самодисциплины, и поиска своей манеры исполнения действий, своих интерпретаций. Результат свободного поиска личности — появление ее особого почерка, по которому ее можно узнать. Ф. К. фон Савиньи справедливо заметил: «Заблуждаются, когда полагают, что всеобщее станет жизнеспособным благодаря уничтожению всех индивидуальных отношений», — добавив, что индивидуальное придает целому особую силу [24, с. 148–149]. Отсюда традиция создает действительный баланс между частными и общественными интересами, который так часто с разной степенью успешности пытается найти Конституционный суд РФ. Поэтому, в частности, традиция не препятствует появлению и слиянию с ней необычных, гениальных людей, оригинальных взглядов только из-за одной их неординарности [23, с. 12]; достаточно вспомнить хотя бы традиционалиста Кун-цзы, поднявшего в свое время китайскую философию на новую высоту. Теория традиционализма в праве, политике и иных областях жизнедеятельности тоже должна иметь в виду упомянутое равновесие соборного и индивидуалистического начал, в чем состоит одно из отличий ее от теорий социализма и либерализма, впадающих в противоположные крайности.

Из вышесказанного вытекает, что традиция может существовать только в рамках определенной социальной группы, без которой она бессмысленна и невозможна. За границами социальных групп она может сформироваться постольку, поскольку за этими границами сложилась уже описанная глубокая взаимосвязь между субъектами (группами, их представителями), осуществляемая исключительно в рамках некоторой общности (например, международной организации). В некоторых случаях традиция таких общностей распространяется и внутрь складывающихся их групп, что чаще происходит тогда, когда первые являются целым по отношению ко вторым, а целое и части взаимопроизвод-

ны (как, например, нация по отношению к семьям). В целом же по своей традиционной организации общности, особенно суверенные друг относительно друга (например, нации), отличаются, и вряд ли могут быть успешными попытки найти общечеловеческую традицию. Общечеловеческим может быть сходство отдельных деталей разных традиций, порожденное не механизмами преемственности, хотя и лежащее, по-видимому, в глубине истории [9, с. 30–31; 30, с. 278; 31, с. 15–16]. Многопоколенную социальную группу, внутри которой существует традиция, можно назвать народом (в противоположность сиюминутному обществу), выводя границы понимания данного термина за пределы исключительно этнологического смысла, т. е. можно говорить как о народе о многопоколенных общностях адвокатов, купцов, дипломатов, о семьях и т. д.

В рамках традиции передаются материальные (например, вещи) и нематериальные (например, знания, правила поведения) объекты. Однако сам по себе объект не может стать предметом традиции. Как уже говорилось, для действия традиции необходимо, в частности, всеобщее убеждение в общезначимости ее предметов, которое, будучи механизмом действия, не определяет содержания общезначимости. Вместе с тем общезначимость — понятие общее и в каждом случае требует конкретизации. Как заметил Х. О. Аушев, жесткость регламентации и контроль за соблюдением социальных норм зависят от степени значимости сфер поведения [34, с. 44], из чего можно сделать вывод как о разном характере общезначимости разных вовлеченных в традицию объектов, так и о взаимозависимости характеристик объектов и характера их общезначимости. Таким образом, когда объект получает ценностную интерпретацию (по своей значимости воспринимается как общеобязательный, общепользовательный, ценный, прекрасный, памятный и т. д.), перед нами возникает полный образ предмета традиции. Причем ценностная интерпретация объекта в народе должна быть устойчивой (может меняться, но не постоянно) и общей (заметно преобладающей или единой). Иначе по сути предмет традиции утратит свое единство, перестанет быть таковым, оставшись объектом частных оценок с абсолютно разными образами в зависимости от воспринимающих его лиц.

По системным характеристикам объекта и ценностной интерпретации можно определить, что предмет традиции является нормой обычая, нормой обыкновения, преданием, реликвией и т. д., т. е. происходит отнесение предмета по его существенным признакам к определенной группе, которую можно назвать элементом традиции. Выделение всех элементов традиции — тема отдельной работы, но нужно заметить, что лишь некоторые понятия всегда будут относиться к элементам традиции, поскольку один из их признаков — преемственность. Таковы, например, предание и менталитет (в частности, правовой менталитет) [17, с. 579; 32, с. 135–136]. Такие элементы традиции можно назвать безусловными. В то же время понятие «общепринятое» не всегда относится к традиции, а может обозначать нечто, принятое в современном обществе. Это хорошо показал Кун-цзы, следуя старинным и, видимо, актуальным правилам кланяться внизу, перед залом, хотя в обществе его современников было принято кланяться вверх. Он пошел против общественного мнения, но не против традиции [33, с. 105]. Так, по наблюдению Г. Ф. Шершеневича, обычаи могут формироваться либо во времени, от поколения к поколению («так делали всегда»), становясь частью традиции, либо по кругу лиц в одно время («так делают все») [45, с. 443–444], и последние обычаи не обязательно войдут в традицию. Такие элементы традиции можно назвать условными. Кроме обычая, к ним относятся обыкновение, предметы, содержащие в себе законы и их ценностную интерпретацию, и др. Стоит заметить, что нормативно-правовые акты действительно могут быть традиционными, когда за время существования они «перерастают в обычай» [9, с. 136]. Можно вспомнить Судебник Хаммурапи, Русскую Правду, Конституцию США.

Возвращаясь к ранее упомянутой мысли Х. О. Аушева, нужно отметить, что прямая взаимозависимость формирования объекта и его значения может быть только у нематериальных объектов. Действительно, форма статуэтки не изменится от того, будет ли она восприниматься как реликвия или как элемент культа. Но значение, придаваемое ей, определит социальные нормы и значение этих норм, устанавливающие порядок поведения с этой вещью. Данный маленький пример показывает, что традиция системна не только в части обеспечивающих ее передачу общественных отношений (технически), но и в части ее предметов (содержательно). Необходимость связей есть у предметов, содержащих не только материальные, но и нематериальные объекты. И, конечно, традиция как система не состоит только из одного элемента, а обязательно из разных их видов, по-разному регулируя общественные отношения.

Итак, традиция — это система имеющих единообразные ценностные интерпретации материальных и нематериальных объектов, передаваемая от поколения к поколению, находящаяся в действии и распространяющаяся на конкретный народ.

Такие разные мыслители, как Ш. Л. Монтескье, Ю. Ф. Самарин, Акутагава Рюноске, отмечали приверженность народов к традиции [31, с. 265; 42, с. 192; 46, с. 376–378]. Если вспомнить любовь университетов к своим традициям и иные примеры, то станет ясно, что в этом контексте правомерно говорить о народе не только как о «простонародье» и не только в этнологическом, но и в широком смысле, описанном ранее. Каковы же свойства традиции, заставляющие субъектов (только если они не противопоставляют себя народу) испытывать столь глубокие чувства? И можно ли такую крепкую привязанность к традиции считать похвальной?

Эти свойства суть реифицированность и органичность. Первое возникает благодаря механизму реификации, когда в сознании народа традиция и ее творцы (предки), несмотря на свою антропогенность, отделяются от людей и получают статус сверхчеловеческого авторитета, столь же незыблемого, как, например, природа [47, с. 146]. Это дает понимание традиции как явления объективного и требующего подчинения, что позволяет подчиняться ей вполне сознательно, не обосновывая каждый раз необходимость и полезность послушания. Вместе с тем традиция воспринимается как нечто духовно близкое, родное, что и составляет ее органичность [9, с. 20–22, 132–133; 24, с. 133, 143–144; 34, с. 44], обусловленную тем, что субъект познает традицию не через ее получение в рамках чисто субординационных отношений, а через преемственность и передачу от близких ему людей, с которыми его связывают отношения как субординации, так и доверительности, любви, уважения, и через повседневную практику. Благодаря органичности строгость традиции смягчается, проявляясь лишь при непослушании ей, становится возможным живое участие субъекта в традиции, само послушание становится более гарантированным, поскольку легче слушаться близкого, «своего», чем «чужого», и, наконец, развивается чувство соответствия традиции, позволяющее принимать лишь подходящие ей новшества [9, с. 22, 335; 47, с. 104–105; 48].

Вышеописанные свойства позволяют субъектам приходиться к пониманию произвольности традиции и ее отдельных предметов. И это не обман чувств, поскольку исследуемое явление содержит нормы, обязательно подтвержденные многократными повторениями, а не единичным установлением, и доказавшие свою нужность, жизненность и эффективность [12, с. 294]. Конечно, среди предметов традиции можно встретить вредные рудименты, но они ни в коем случае не могут быть отнесены к традиции в целом. Действительно, что удивительного, если у большого дома найдется два-три поврежденных кирпича, но разве он не разрушится в первый же год после строительства, если его возведут полностью из негодных материалов?

Примечательно, что сформированные в рамках конкретной традиции способы поведения и институты в абстрактно-идеальном измерении могут оказаться не лучшими вариантами решения соответствующих вопросов, но для конкретного народа они будут идеальными [12, с. 294; 30, с. 320–321; 47, с. 90]. Вспомним русскую поговорку «что русскому хорошо, то немцу — смерть». В этом нет ничего неожиданного, если помнить, что традиция — система, где все предметы взаимосвязаны, а значит, по своим особенностям и тонкостям «притерты» друг к другу и не могут быть произвольно изменены, заменены, дополнены. Как заметил Р. С. Минвалеев, «традиция — вещь точная» [49], ее предметы и их взаимосвязи отличаются определенностью и конкретностью, что на примере обычаев подтверждается правоведами [9, с. 132, 134–135]. Из определенности и конкретности, нередко дополняемых символичностью и образностью, вытекает наглядность, облегчающая запоминание, понимание, интерпретацию правила. Это не значит, что предметом традиции не может быть абстрактная норма. В Русской Правде, Конституции США есть нормы, сформулированные абстрактно. Определенность предмета традиции задается не только им самим, но и традицией как системой в целом, ее органически единым контекстом, понятным лишь тем, кто погружен в эту традицию. Данные факты, если ими не пренебрегать, сами по себе не препятствуют распространению идей и ценностей среди разных народов. Так, стремящаяся к единству мусульман исламская юриспруденция, учитывая сказанное, позволяет народам жить своими традициями, нормы которых порой расходятся с предписаниями фикха, только если эти нормы не причиняют вред. По мнению Р. Давида, благодаря, в частности, данному здравому подходу ислам смог распространиться от Африки до Поволжья [34, с. 45; 50, с. 319].

Традиция обеспечивает жизнеспособность своего народа, охраняя его целостность от воздействия как внешних, так и внутренних сил вольного или невольного разрушения [9, с. 22–23]. Без нее народ, теряя своеобразие, обречен на бездуховное существование, или на распад, или на поглощение другим народом, или вовсе на смерть — реальную (прекращение существования) или историческую (забвение другими) [12, с. 294; 24, с. 133–134, 185–186; 48]. Без традиции теряется правовой компас, о котором говорил Э. Берк: любое конструирование и применение права без традиции оказывается беспочвенным и практически бесполезным, часто превращаясь в произвол, построенный либо на бесконечном изобретательстве, либо вовсе на заимствованиях из чужого порядка с угасанием истинной правообразующей силы [24, с. 150–151]. Словом, открываются пути для губительных революций во всех их проявлениях.

Можно утверждать, что для традиций характерно ограждение общества и самого человека от так называемого правомерного злоупотребления правом, когда реализующий свое право субъект, оставаясь в рамках закона, думает исключительно о своих желаниях, забывая о правах, интересах, нуждах других. Но это не отрицание и не умаление правомочий индивида, не подавление личности. Сами по себе правомочия, кроме благ, таят искушения чрезмерности, следование которым неизбежно порождает недостойное поведение (недаром Акутагава Рюноске писал, что «безнравственность — другое название чрезмерности» [42, с. 185]), чему мудрые китайцы рекомендуют не потакать [50, с. 356]. Наряду с заботой о группе, традиция как раз стремится оградить человека от безнравственных поступков, воспитывает его в духе уместности реализации прав, любви к обязанностям, словом, в духе созидательного самоограничения, к которому призывал еще А. И. Солженицын и понимание которого не всегда возможно сконструировать рационально [9, с. 152–156; 22, с. 567–569].

Противясь чрезмерной вариативности поведения, традиция стабилизирует социальные отношения, создает обстановку определенности, предсказуемости, снимает социальную напряженность, внушая субъектам ощущение безопасности внутри своего народа, сплачивая, приводя к миру и согласию людей, благодаря чему народ наиболее эффективно может выполнять свое предназначение, а каждый человек получает возможность успешной социализации [9, с. 7; 34, с. 43; 47, с. 96]. Таким образом, охранительство традиции служит во благо не только народу, но и человеку.

Однако ошибаются те, кто полагает, что традиция — это набор законсервированных норм, окаменелостей, косность, застой. Напротив, она, нормируя некоторые объекты, освобождает энергию субъектов для активного принятия ими решений там, где это действительно нужно, открывая дорогу к интерпретационным или изобретательским инновациям с опорой на уже существующие стандарты, ценности, образцы. Да и сами предметы традиции, по наблюдению многих исследователей, тоже не остаются неподвижными, а претерпевают постепенные изменения разного рода, согласуясь с условиями эпохи, местности, с насущными потребностями, но и не идя на поводу у них (одним из подтверждений может быть эволюция предсвадебных обычаев Дагестана [51]). Поэтому народ, придерживающийся традиции, получает возможность развития эволюционным путем [9, с. 20–21, 27, 30, 335–337; 20, с. 318–319; 24, с. 186–187; 34, с. 44; 47, с. 90–91, 96, 114–116]. Это происходит благодаря уже описанному балансу общественного (народного) и частного начал. Приводившуюся мысль Ф. К. фон Савиньи, что индивидуальное дает новую силу целому, можно рассматривать в контексте индивидуального как условия движения целого. Причем индивидуальное может проявляться как в непосредственной инновации, так и в стремлении сохранить традицию вопреки новым веяниям: и то, и другое требует индивидуальных усилий по интерпретации традиции, так как даже для ее полноценного сохранения нужно находить для общества ее объяснение или идею, как она могла бы применяться в новых условиях. Так, в вышеприведенном примере с поклонами вверху зала Кун-цзы объяснил, почему предпочтительно установление традиции: новое веяние было «дерзким», т. е. нарушило начала скромности и почтительности, лишив смысла выражавшую их церемонию поклона.

Может показаться невероятным, что традиция способствует развитию народа и даже может выводить его на особую высоту. Однако Ф. К. фон Савиньи показал, что, например, Древний Рим своим величием и развитием своего права обязан не одной определенной эпохе, а всем периодам его существования, органически связанным между собой [24, с. 143–144]. Так, Октавиан Август, фактически устанавливая принципат, опирался на наработки республиканского строя. Другой яркий пример — Китай, придерживающийся своей многовековой традиции, принципы которой (такие, как похвальность сыновней почтительности, понимание добродетелей в рамках конфуцианской концепции «бла-

городного мужа» и др.) нередко помогают правоприменителям находить наиболее соответствующее обстоятельствам дела решение, уходя от формализма, максимально учитывая материальные и духовные интересы человека и общества [52, с. 8–20].

Не раз замечалось, что полностью порвать с традицией невозможно, что после завершения революции она возвращается [12, с. 294; 20, с. 318; 23, с. 11–12; 24, с. 183–184]. Даже неутомимый революционер К. Маркс был вынужден признать это [53, с. 119]. К волшебному слову «традиция» обращались сами революционеры, говоря о революционных традициях [23, с. 9]. Э. Берк писал: «Меня или подвергая сомнению общепринятые взгляды, установленные традицией, мы не расширяем границы познания, а лишь попусту тратим слова» [54, с. 284]. А что сказать про тех, кто посвящал борьбе с традицией целую жизнь?

Вместе с тем, думается, в условиях революции (особенно ползучей) не стоит надеяться, что все само собой уладится и традиция восстановит свои права. Иначе при пассивной позиции традиционалистов и активной позиции революционеров, к тому же настроенных на долгосрочную перспективу разрушения и закрепления результатов, может произойти то, что П. Бьюкенен показал на примере комплексной культурной революции на Западе [14, с. 114–128]. Этот важный аспект современного этапа ползучей революции дает пример не только ее дестабилизирующего действия, но и определенных успехов по низвержению традиции в сознании обществ США и западной Европы (что отчасти отражается и в России), способствуя все большему отходу от восприятия традиционной семьи и семьи вообще как ценности, от стремления каждого человека к образованию и культурному обогащению, от уважения религии и др. и зарождению, в частности, обостренного и не всегда верного отношения к правомочиям, их защите и частоте и характеру их ущемления. Но почему это происходит, если традицию невозможно разрушить?

Пожалуй, вернее говорить, что всегда сохраняются лишь отдельные черты, предметы, следы традиции. Значит, если мы признаем полезность, спасительность традиции, ее предпочтительность иным формам земного существования (что стремилось доказать предыдущее изложение и на что обращали внимание, например, Ш. Л. Монтескье, А. И. Солженицын, М. А. Волошин и др. [16, с. 46; 22, с. 570; 31, с. 15–16, 261; 55, с. 26]), то в ситуации ее разрушения остается два выхода, так или иначе требующих приложения рациональных усилий в рамках конкретных народов: либо стремиться создать новую традицию, либо поднять и оживить ту, которая теперь разрушается. Учитывая, что традиция всегда не только содержит тесно переплетенную систему норм, ценностей, институтов, но и складывается и постоянно развивается в течение поколений, т. е. одного поколения для ее создания мало, вторая из предложенных концепций выхода из кризиса традиции легче, надежней и желательней.

Как это сделать — тема отдельного исследования и обсуждения, однако хочется обозначить некоторые наиболее важные предложения. Думается, ослабление позиций традиции в некоторых народах связано с исчезновением на сознательном и притуплением на иррациональном (духовно-инстинктивном) уровне традиционализма. Традиционализм, иногда некорректно отождествляемый с консерватизмом и охранительством, не только интеллектуальное движение и не только «бессознательное» мировосприятие традиционных обществ, но и нечто большее — положительная ценностная интерпретация традиции в целом, входящая в традицию норма-принцип, по которой правильность и полезность традиции и ее отдельных предметов презюмируется (подразумевается) и при этом понимается неизбежность и необходимость естественного и творческого движения в многопоколенной системе установлений, когда основой и мерилем для новых интерпретаций, построений и восприятий чужого опыта служит именно традиция [9, с. 23–24, 28–30]. Без традиционализма традиция может существовать, но уязвима точно так же, как возможно и нестабильно существование государства, не имеющего писаной или неписаной нормы, устанавливающей форму правления и государственного строя. Значит, пробуждение традиции лучше начинать с сознательного возвращения к традиционализму. Конечно, для народа с кризисом традиции поначалу он будет декларацией. Но нередко именно с призывов и деклараций, имеющих сильное духовное воздействие, и начинаются реальные дела. Именно призывы и декларации могут стать первым шагом, с которого начинается путь в тысячу ли.

Традиционализм невозможен без истинной любви к своему народу (отечеству, нации, семье, корпорации) и, как следствие такой любви, без внимательного познания истории народа; последнее особенно актуально в кризисы традиции. Обращение к истории позволит не только вспомнить конкретные предметы традиции с их подробностями, но и, что даже важнее, вспомнить и понять отра-

женные в них начала, принципы, дух. Ведь именно начала первоочередны для сохранения и могут быть не только одними из индикаторов актуальности традиционных норм, но и помочь адаптации новшеств [9, с. 336–337; 24, с. 186–187]. Без такого внимательного и системного обращения к истории, учитывающего современные условия, включающего как рациональное познание, так и духовное проникновение, восстановление утраченных ценностей грозит обернуться пустой стилизацией, «игрой этикетками», а традиционализм может превратиться в ретроградство, стремящееся вернуться к конкретной прошедшей эпохе, или вовсе в фундаментализм с произвольными вычленениями «первоначальных установлений» без учета их развития [9, с. 26; 56]. И, может, такой подход, позволяющий взглянуть на свой народ не как на неразумное дитя, нуждающееся в воспитании и опеке, но как на мудрого и интересного учителя, поможет, например, избавиться российскому правотворчеству и правоведению от привычки в качестве одного из первых аргументов полезности законодательных новелл безоглядно ссылаться на опыт западных стран — привычки, нередко приводящей к нелепостям. И, может, с таким подходом правоприменению будет легче уйти от формализма, от рабства сухой букве закона, научившись толковать и применять нормативно-правовые акты в духе традиции. Наконец, может, уйдут в поучительные анналы странные рассуждения (в частности, некоторых официальных лиц), которые сейчас мы порой имеем несчастье слышать, например, о якобы вредном влиянии русских народных сказок на восприятие труда, воспитание финансовой грамотности и о необходимости их менять [57].

Иногда утверждают, что в традиции есть революционный потенциал, и некоторые мыслители, называющие себя традиционалистами, выдвигают концепцию консервативной революции [6; 23, с. 10–11]. Однако сравнивая приведенные выше характеристики традиции и революции (цели и способы их достижения), можно заметить, что эти явления полярны. Разумеется, есть немало примеров, когда результаты революций стали частью традиции (например, у французов — «Декларация прав человека и гражданина» 1789 г.). Но это происходит благодаря тому, что оживающая традиция способна примирить с собой продукты революции, адаптировать их, а не потому, что традиция, отрицающая дестабилизацию, готова реставрироваться на гребне всегда разрушительной революции. Это наблюдение учит нас тому, что и сам процесс восстановления традиции должен происходить постепенно, без вредного нетерпения. И если одно из призваний традиции — спасение народа от внутри- и межпоколенных разрывов, то может ли, например, российская юриспруденция в случае восприятия ею традиционализма сбросить с ковчега традиции правовых революционеров, ставших таковыми не по злонамеренности, а по благородному побуждению сердца, может ли полностью отказаться от их наработок и размышлений? Еще сто лет назад в проникновенной лекции «Россия распятая» М. А. Волошин высказал глубокую мысль, что народу невозможно и нельзя отказаться от тех, кто создал его историю, характер и судьбу [55, с. 29]. Поэтому традиционалистскому правоведению, правотворчеству и правоприменению во все времена нужно пользоваться, аккуратно отделяя от плевел, зернами истины, содержащимися в идеях мыслителей вне зависимости от лагеря, к которому они примыкают (традиционалистов, либералов, социалистов или иных).

Не нужно питать иллюзий насчет «светлого будущего»: рай на Земле невозможен. Любая традиция тоже не идеальна, даже традиционные народы на уровне отдельных обществ и тем более личностей могут впадать в чрезмерности ретроградства, фундаментализма, обскурантизма. Но это не значит, что мы должны опускать руки, впадая в крайности правового нигилизма или, захваченные ползучей революцией, правового прогрессизма. Да, сейчас народы, погрузившиеся в пучину ползучей революции, переживают нелегкие времена и их путь слишком темен. Но если деятели правовой, культурной и иных сфер жизни этих народов обратят свои взоры к традиции, предпочтя ее бесконечному потоку изменений и новшеств, уверен, члены этих народов смогут восстановить полноценную связь как с прошлым и будущим, так и между собой в настоящем, создать относительно стабильное общество, испытать духовный подъем. Вооружившись традицией, на каждом этапе нашей жизни мы сможем говорить про какие-либо достижения и открытия: «И это сделал весь народ (и даже все человечество)», вместо: «Этого добилось наше великое поколение». И разве не благо для народов и их отдельных членов — быть вместе и всем вместе спастись от смерти?

Библиографический список

1. Ауельбеков Б. Стремительно меняющийся мир. URL: <http://mysl.kazgazeta.kz/?p=270>.

2. Долматов В. Мир меняется быстро: Поможем выпускникам быть успешными. URL: <http://www.ug.ru/archive/65243>.
3. Минвалеев Р. С. Надо ли разделять неразделимое. URL: <http://www.tapasyoga.ru/contents.php?id=121>.
4. Молдин Дж. Праздники посреди угроз. URL: <http://polismi.ru/politika/geografiya-i-politesy/1271-blagodarenie-odna-iz-tselej.html>.
5. Языку нельзя ничего запретить. URL: <https://iz.ru/news/327326>.
6. Аверьянов В. В. Разные консерватизмы, разные традиционализмы. URL: <http://www.pravoslavie.ru/analit/raznie.htm>.
7. Поцелуев Е. Л., Данилова Е. С. Понятие и виды личностных (соматических) прав человека // Наука. Общество. Государство. 2015. Т. 3, № 1 (9).
8. Чернега К. А. Правовые аспекты легализации «нетрадиционной семьи» в России // Гражданин и право. 2003. № 4.
9. Васильев А. А. Охранительная концепция права в России. М., 2013. 440 с.
10. Головина А. А. Дефекты законодательной техники как препятствие обыденному толкованию права // Журнал российского права. 2017. № 4.
11. Волошин М. А. Путиами Каина. М., 1991. 224 с.
12. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 543 с.
13. Фортенберри Б. Внематочная беременность и ребенок до рождения. URL: <https://rusprolife.ru/vnematochnaya-beremennost-i-rebenok-do-rozhdeniya/>.
14. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М. ; СПб., 2003. 448 с.
15. Сорокин В. В. Право и православие. Барнаул, 2007. 548 с.
16. Фадеев В. И. Стабильность и развитие Конституции Российской Федерации // Вестник Московского ун-та. 2014. № 1.
17. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. 942 с.
18. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. П. М., 2006. 544 с.
19. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003. 1584 с.
20. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. 367 с.
21. Большая Советская энциклопедия / под ред. А. М. Прохорова. Т. 21. Проба — Ременсы. М., 1975. 640 с.
22. Солженицын А. И. Публицистика. Т. 1. Статьи и речи. Ярославль, 1995. 720 с.
23. Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. 456 с.
24. Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. М., 2011. Т. 1. 510 с.
25. Белик В. Н., Романов И. Б. Историко-теоретические особенности восприятия правового обычая в качестве источника права в России // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2014. № 5.
26. Куликов В. Подсказка от терминатора: Первый российский робот-юрист начал бесплатные консультации граждан в Интернете. URL: <https://rg.ru/2018/02/08/pervyj-rossijskij-robot-iurist-nachal-besplatnye-konsultacii-v-seti.html>.
27. Правда ли, что у робота-гражданки больше прав, чем у саудиток? URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41778669>.
28. Счастливый Ю. Искусственный интеллект. Юристы-роботы. URL: <https://base.garant.ru/55888233/>.
29. Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993. 144 с.
30. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М., 2005. 496 с.
31. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М., 1999. 672 с.
32. Бойко Л. Н. Эффективность права под углом национального правового менталитета // Журнал российского права. 2009. № 5 (149).
33. Конфуций. Суждения и беседы. М., 2013. 284 с.
34. Аушев Х. О. Преступление и наказание в Коране и Сунне: философско-религиоведческий анализ. М., 2018. 176 с.
35. Большая Советская энциклопедия / под ред. А. М. Прохорова. Т. 26. Тихорецк — Ульянов. М., 1977. 624 с.

36. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. Р — Я. М., 2006. 672 с.
37. Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицианова. Минск, 2001. 1280 с.
38. Понятийный словарь по культурологии. Таганрог, 2005. 94 с.
39. Словарь современного русского литературного языка / под ред. Г. А. Качевской, Е. Н. Толикиной. Т. 15. М.; Л., 1963.
40. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. Р — Я. М., 2001. 672 с.
41. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 2001. 720 с.
42. Акутагава Р. Слова пигмея. М., 1992. 592 с.
43. Найпол В. Нобелевская премия по литературе 2001. URL: <http://www.nobeliat.ru/laureat.php?id=98&p=speech>.
44. Добров А. С. Формирование права без законодателя: очерки по теории источников права ; ч. 1 // Вестник гражданского права. 2010. № 2.
45. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1910. 805 с.
46. Самарин Ю. Ф. Православие и народность. М., 2008. 720 с.
47. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
48. Смолин М. Б. Имперское мышление и имперский национализм М. О. Меньшикова. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=81729&p=1>.
49. Минвалеев Р. С. Пост, Макдоналдс и дисбактериоз. URL: <http://www.tapasyoga.ru/contents.php?id=151>.
50. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1998. 400 с.
51. Амирханова А. К., Магомедова П. М. Калым, кебин и приданое как элементы современного предсвадебного обряда в городах Дагестана // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11–2 (73).
52. Правотворчество как индикатор правовых ценностей: внутригосударственное, наднациональное и международное измерения / под ред. И. Л. Честнова. СПб., 2018. 532 с.
53. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8. М., 1957. 705 с., [XXII].
54. Берк Э. «Залог успеха — не наличие, а отсутствие таланта...»: Ранние эссе // Вопросы литературы. 2008. № 1.
55. Волошин М. А. Россия распятая // Юность. 1990. № 10 (425).
56. Товбин К. М. Антимодернизм: традиционализм, фундаментализм, консерватизм // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2014. Т. 14, № 1.
57. Центробанк: русские сказки виноваты в низких доходах россиян. URL: <http://frognnews.ru/novosti/centrobank-russkie-skazki-vinovaty-v/>.